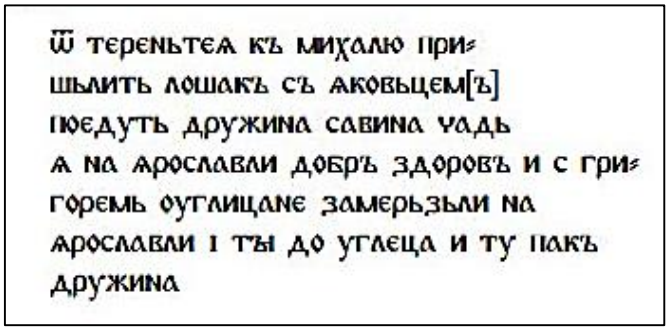
П.Л.БЕЛКОВ

Говорящие бересты древней Руси. Грамота 69

Новгородская берестяная грамота № 69 является, пожалуй, одной из самых интересных, поскольку сообщает о так называемом историческом событии.


ѿ тереньтеѧ къ михалю при=
шьлить лошакъ съ аковьцем[ъ]
поѣдуть дружина савина чадь
а на ярославли добръ здоровъ и с гри=
горемь оуглицане замерьзьли на
ярославли і ты до углеца и ту пакъ
дружина

А.А.Зализняк предлагает такой перевод:

От Терентия к Михалю. Пришлите коня с Яковцем - поедет Саввина дружина. Мы с Григорием в Ярославле живы-здоровы. Угличские корабли остались во льду на зиму (букв.: угличане замерзли) в Ярославле. Так что ты [посылай] до Углича, и как раз туда [едет] дружина (или: и как раз там дружина)[1]".

Во-первых, не совсем понятно, зачем при чтении бересты вместо крестика ставить букву йота, а, во-вторых – заменять («переводить») слово «лошак» на слово «конь». Хотя вполне вероятно, что автор действительно имел в виду не «помесь жеребца с ослицей», но лошадей местной, не высококровной, породы известной по археологическим источникам[2].

Исправление только что упомянутых и некоторых других неточностей многое меняет в представлении, о чем говорится в Бересте 69. По этому поводу можно сказать следующее. Письмо было послано из некоторого пункта (который находится не в Новгороде, но и не в Ярославле или Угличе) в Новгород к Михалю неким Терентеем (ср.: *ментия* (ментик)и якобы просторечное *ментея* XVIII в.) с просьбой прислать **лошакъ** (т.е. лошаков; ср.: мн.ч. *солдат*, но не «солдатов» и др.) с неким Яковцем. При этом сообщается, что поедет на лошаках дружина, состоящая из людей какого-то Савы. (Как известно, новгородцы использовали лошадей только для передвижения, перед боем спешивались.) Сам Терентей собирается спешно ехать в Ярославль вместе с Григорем («и с Григорем»). Дескать, угличане «замерзли» на Ярославли (завязли / встали при осаде Ярославля?).

[1] Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004, с.513.
[2] Спасская Н.Н., Саблин М.В., Михайлов К.А. Раннесредневековые лошади второй половины IX – начала X в. на Рюриковом городище/ Российская археология № 4 2011. С.52-63.

Фраза, предлагаемая А.А.Зализняком («Мы с Григорием в Ярославле живы-здоровы») выглядит нелепо, совершенно выпадая из структуры сообщения. Выражение «**добр здоров**», т.е. подобру-поздорову, здесь означает быстроту движения, что вытекает из первоначального смысла выражения *уходить (убираться) подобру-поздорову*.

Для большей уверенности было бы неплохо расшифровать слово «мержище» из словаря Даля. Во всяком случае, «угличские корабли, вмерзшие в лед у Ярославля» очень трудно вписать в исторические реалии. На этот счет было бы интересно узнать мнение военных историков.

После крестика (новая строка, переход к новой мысли) идет совет или констатация некоторого действия, естественно вытекающего из сложившейся положения дел. Предполагается, что Михаль отправится в Углич и там будет дожидаться прибытия дружины. Для ясности сравним два выражения, берестяное и сказочное: «Ты [добираешься] до Углича, а тут и дружина [придет]» и «А она прибежала домой, да хорошо еще, что успела прибежать, а тут и (т.е. **и ту пакъ.** – *ПБ)* отец и мать пришли. Ср. также: Заступи черту дверь, а он в окно или: Дан приказ ему на запад, / ей в другую сторону (современный русский язык помнит подобные обороты).

Самое раннее истолкование исторического события, отраженного в грамоте № 69 было предложено в книге В.Л.Янина «Я послал тебе бересту» (1975):

> «Другая грамота — № 69 — выброшена в конце XIII века, между 1281 и 1299 годами, и найдена в 1952 году. Она сохранила следующий текст: «От Тереньтея к Михалю. Пришьлить лошак с Яковьцем. Поедуть дружина Савина чадь. Я на Ярославли, добр здоров, и с Григоремь. Углицане замерзьли на Ярославли. Ты до Углеца, и ту п(о)лк дружина» (в оригинале, все-таки, «пакъ». – *ПБ*).
>
> Терентий написал Михалю из Ярославля — редкий случай, когда в берестяной грамоте указан «обратный адрес». Он находится в Ярославле вместе с Григорием, пребывает в добром здоровье и просит Михаля прислать к нему лошака с Яковцем, присоединив его к дружине Саввы, направляющейся к Угличу. «Угличане замерзли на Ярославле». Эту фразу нужно, по-видимому, понимать так, что угличские суда вмерзли в лед под Ярославлем. Дело происходит во время ледостава, в начале зимы.
>
> Письмо Терентия Михалю особенно ценно тем, что повествует о событиях, не запечатленных летописцем. Между 1281 и 1288 годами политическая жизнь Новгорода, так же как и политическая жизнь Ярославля и Углича, тесно связана с ожесточенным соперничеством двух сыновей Александра Невского — Андрея и Дмитрия, с переменным успехом боровшихся за великое княжение Владимирское. Братья несколько раз сменяли один другого на великокняжеском столе. Новгород попеременно был союзником то Андрея, то Дмитрия, в отличие от ярославского и углицкого князей, поддерживавших Андрея Александровича. Летописец сохранил воспоминание о многих красочных подробностях этого соперничества. Но о походе новгородцев в тот период под Углич и Ярославль мы впервые узнали только из сообщения берестяной грамоты № 69».[3]

Думается, что в Бересте 69 речь идет о гораздо более драматичной (по результатам) борьбе между московским и тверским князем за Новгород и великое княжение, что в ту эпоху означало практически одно и то же.

[3] Цит.по: www.litmir.me/br/?b=187001&p=1

В Новгородской первой летописи младшего извода под 6822 (1314) годом ясно написано:

«**Того же лѣта прииха Федоръ Ржевьскыи в Новъгород от князя Юрья с Москвѣ, и изыма намѣстникы Михаиловы, и держаша их во владычнѣ дворѣ, а новгородци съ княземъ Федоромъ поидоша на Волгу, и выиде изо Тфери князь Дмитрии Михайлович и ста об ону страну Волъгы, и тако стояша и до замороза, а Михаилу князю тогда сущу в Ордѣ. Посемъ доконцаша миръ съ Дмитриемъ, и оттолѣ послаша по князя Юрья на Москву, на всеи волѣ новгородчкои; а сами возвратишася в Новъгород**».

Здесь два ключевых слова: «Волга» (Ярославль стоит на Волге) и «мороз» (угличане замерзли «на Ярославли»). Так что «берестяных» Михаля и Григоря можно довольно легко сопоставить с летописными Михаилом Павшиничем и Юрием (Григорием) Мишиничем, обратившись к книге самого В.Л.Янина «Новгородские посадники» (2003) и, следовательно, датировать грамоту № 69 абсолютно точно – 1314 годом.

Упомянутые исторические лица в разное время были новгородскими посадниками. В бересте же говорится (sic!) о военной кампании, а решения о передвижении войска могли принимать только высшие должностные лица.

Таким образом, стратиграфическая датировка данной берестяной грамоты № 69 оказывается более надежной. Выводы В.Л.Янина строились, по-видимому, на внестратиграфической датировке и, с этой точки зрения, к нему не может быть особых претензий[4].

Рискнем воспользоваться википедийным сайтом «Список новгородских посадников». На сайте помещена таблица, вероятно, основанная на данных из книги «Великий Новгород. История и культура IX—XVII веков: Энциклопедический словарь» (СПб., 2007) под редакцией того же В.Л.Янина.

Михаил (Михайло) Мишинич)	? - 1280	1272
Павша Онаньинич	? - 1273	1272 - 1273
Михаил (Михайло) Мишинич	? - 1280	1273 - 1280
Семён Михайлович	? - 1287	1280 - 1286
Андрей (Андрейко) Климович	? - 1316	1286 - 1291
Юрий (Георгий) Мишинич	? - 1316	1291 - 1292
Семён Климович	? – между 1317 и 1327	1292 - 1294
Андрей (Андрейко) Климович	? - 1316	1294 - 1295
Андрей (Андрейко) Климович	? - 1316	1299 - 1300
Семён Климович	? – между 1317 и 1327	1300 - 1301
Андрей (Андрейко) Климович	? - 1316	1301 - 1302
Семён Климович	? – между 1317 и 1327	1302 - 1303
Андрей (Андрейко) Климович	? - 1316	1303 - 1304
Юрий (Георгий) Мишинич	? - 1316	1304 - 1305
Михаил Павшинич	? - 1316	1310 - 1312
Семён Климович	? – между 1317 и 1327	1312 - 1313
Михаил Павшинич **?**	? - 1316	1314 **?**
Семён Климович	? – между 1317 и 1327	1316 - 1317

[4] По поводу датировок см.: Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004, с.512.

В частности, мы видим, что в этой таблице возникает хронологический разрыв между 1313 и 1316 годом, а сказанное выше позволяет предположить, что в 1314 году должность посадника в Новгороде исполнял именно Михаил Павшинич, т.е. Михаль (если Михаил Мишинич умер в 1280 г.). Это многое объясняет в плане содержания рассматриваемой бересты.

Теперь мы можем уточнить, о чем идет речь в грамоте № 69. Была не осада Ярославля, как мы предполагали вначале статьи, а классическое противостояние (стояние) двух войск, по обе стороны Волги около Ярославля, которое затянулось до начала морозов. Возможно, угличане действительно замерзли (страдали от холода) под Ярославлем. Корабли здесь, конечно, ни при чем. Также вполне возможно, что подмога из Новгорода, если дружина Савы успела прибыть на место вовремя и «стояние на Волге» закончилось миром. Видимо, дружина успела, ибо в летописи говорится: «**Посємъ доконцаша миръ съ Дмитриємъ, и оттолѣ послаша по князя Юрья на Москву, на всєи волѣ новгадородчкои; а сами возвратишася в Новъгород** (разрядка моя. - *ПБ*)».

Разумеется, здесь еще есть, над чем подумать. Вместо итогов приведем несколько соображений теоретического характера.

При работе с берестяными грамотами исследователя должна интересовать структура сообщений, а не перевод. Перевод здесь, впрочем, как и с древнерусскими летописями, попросту невозможен. Задача состоит в том, чтобы описать ситуацию, в которой находятся отправитель и получатель сообщения, на метаязыке структуры исследуемого сообщения. Чтобы осознать это, попробуйте «перевести» для себя высказывание одного яркого персонажа из всем известного фильма: **Тєбя посодют а ты нє воруй**.

В случае с берестяными грамотами мы имеем дело не с письменной, но с устной речью так, что: «пославший бересту» изъясняется не фразами, а периодами. Следовательно, *тексты* берестяных грамот становятся понятными до конца только собеседникам, которые находятся внутри соответствующих *контекстов* («ситуаций»).

Устная речь в форме так называемого просторечия *идеографична* по своей сущности. Поэтому берестяные грамоты по природе ближе к этнографическим, во всяком случае, социально-историческим, источникам, чем к собственно историческим. Например, в них отсутствует элемент (свойство) отчуждения событий от пишущего, – отчуждения, которое характерно для исторических источников в обычном смысле слова. «Слово и дело» здесь образуют единую систему, единое целое поскольку первое не откреплено от второго. Целью (смыслом) сообщения, т.е. тем, что делает его неким *целым*, не является описание «исторического события». В конечном счете, о том, что же на самом деле происходило, участниками каких именно событий были Михаль и Григорь, мы узнаём наверное только из параллельного текста летописи.

12 июня 2020 г.